

дения фольклора: легенды, былины, басни, сказки и, - главное, - пословицы и поговорки.

С одной стороны, фольклорные тексты открывают нам важные особенности менталитета через подробности быта, культуры, формулы этикета, с другой – подход к анализу этих текстов возможен только при условии достаточных у исследователя фоновых знаний. Только в таком случае мы можем с достаточной степенью достоверности выявить содержащиеся в таких текстах перлокутивные эффекты, т.е. определить их прагматическую направленность.

И.Гибелев, Н.П.Невзорова

Мифологическая основа литературной сказки (диалогия А.А. Милна о Винни-Пухе)

Литературная сказка как жанр, восходящий своими корнями к фольклору, обязательно характеризуется скрытым в ее тексте "социальным кодом", т.е. теми элементами структуры произведения, которые могут соотноситься с выделенными в науке социальными формами, существовавшими в эпоху становления первобытнообщинного строя (Е.М. Мелетинский). Дешифровка социального кода позволяет ремифологизировать сказочные мотивы, ставшие таковыми в результате эволюции социальных институтов и связанным с этим разрывом мифа и обряда. Обряд же непосредственно связан со сказкой, о чем говорили Д. Фрезер, П. Сентив, С.Я. Лурье, Б.В. Казанский и др. Это положение актуализировал и В.Я.Пропп, который писал: "Сказка вырастает из социальной жизни и ее институтов. Одним из них является обряд посвящения. Особенность структуры этих обрядов - их трехчастность: все они состоят из выделения индивида из общества (так как переход должен происходить за пределами устоявшегося мира), пограничного периода (длящегося от нескольких дней до нескольких лет) и возвращения, реинкорпорации в новом статусе или в новой подгруппе общества".

Мы считаем, что исследуемые нами сказки А.А. Милна "Винни-Пух" и "Дом в медвежьем углу" (перевод В.П.Руднева) голографичны в том смысле, что структура обряда посвящения как раз и составляет композицию книги: сюжетное развертывание - не что иное как реализованный в слове трехчастный ритуал инициации. В этом смысле важным персонажем диалогии наряду с Винни-Пухом является мальчик - Кристофер Робин, выступающий в тексте в двух ипостасях: как слушатель повествования рассказчика об игрушках-животных и как герой собственно сказочного текста. Именно он, попадая в подобную "матрешку", проходит испытания на взрослость, а в конце текста непосредственно переходит в иной социальный статус - школьника. Несомненно, что содержательная сторона произведений помимо прямой коннотации способна развивать и собственные затекстовые значения. В то же время мифологический обряд, лежащий в основе сказки, образующий ее костяк, кроме прямого влияния на отбор семантического материала, т.е. помимо своей функциональной задачи,

выступает самостоятельным элементом текста. Так появляется возможность установить пусть не прямую, но опосредованную связь и в какой-то мере допустимое тождество жанровой природы литературной сказки А.А.Милна и сказки фольклорной. Установить не только на формальной основе (в соответствии композиционного построения указанному ритуалу, а содержательного наполнения - мифу), но, главным образом, на следующем основании.

Миф по своей природе этиологичен, ритуал и обряд - сугубо функциональны и прагматичны. Разрыв мифа и ритуала вследствие эволюции социальных институтов ведет, с одной стороны, к выделению из мифа сказки и таким образом к вербальной, языковой составляющей, что обоснованно содержательно; с другой стороны, ритуал и обряд в конечном итоге превращаются в танец и изобразительные виды искусства. Для нас особо важна выделенная из мифа языковая функция, на что обращал внимание В.Я.Пропп, утверждая, что "...генетически фольклор сближается не с литературой, а с языком. Сходство фольклорных произведений в мировом масштабе рассматривается ... лишь как частный случай исторической закономерности, которая состоит в аналогии форм и категорий мышления, обрядовой жизни, фольклора и т.п. на основе одинаковых форм производства материальной культуры". Именно этиологичность языка мифа и отражение этой этиологичности в языке сказки вообще и сближает сказки Милна с фольклором. Сближает, конечно же, при условии наличия общего социального кода, который и есть отзвук этиологического мифа, проявляющийся в фольклоре.

Интересна возможность определить сказки Милна о Винни-Пухе как знаковую систему в рамках понятия "миф". Так, в тексте можно выделить элементы, определяющие синкретическую природу мифа. Например, мотив неразличения субъекта и объекта можно наблюдать в эпизоде главы "Пчелы", когда Винни-Пух придумывает о них стихотворение: (дословный перевод) "если бы Медведи были Пчелами, они бы строили свои гнезда на дне деревьев... Если бы Пчелы были Медведями, нам не нужно было бы карабкаться по всем этим лестницам-веткам". Таким образом, Винни-Пух отождествляет себя с пчелами, с объектом, на который направлено действие. В то же время он проецирует на себя обратное направление движения - становится объектом интенций со стороны пчел. Другой пример: для Винни-Пуха вещь, предмет, явление слиты с их атрибутами: "это гуденье что-то значит... и я знаю только одну причину, какая заставила бы меня гудеть - это если бы я был пчелой. А единственный резон быть пчелой, который я знаю, состоит в том, чтобы делать мед". Кроме того, Винни-Пух не отделяет от себя атрибуты, признаки, которые, в принципе, могут быть присущи и другим. Также в сказке устойчиво не различаются знак и предмет. Например, буква "А" символизирует для ослика И-Ё Образование и Знание вообще. Буква "П" означает в сознании Пуха его имя. За знаками для Пуха стоит сущность явления, его принципиальное значение. Особенно ярко это проявляется в отношении медведя к поэзии. "Песня имеет смысл, когда она соответствует ситуации. Поэзия тесно связана с ритуалом" (В.П.Руднев). Мифологический синкретизм мышления персонажей проявляется и в уве-

ренности, что за именем непременно стоит его носитель. Именно так создаются в сознании героев виртуальные персонажи (Бука и Бяка, Слонопотам и пр.) По мнению Пуха и его друзей имя собственное уже фактом своего наличия конституирует его носителя как реально присутствующего, живущего в лесу. "Рождение", появление несуществующих животных происходит в момент их называния. Таким образом, символизм мифологического восприятия мира героями Милна уже сам по себе может говорить о данном сказочном произведении в целом как о мифе.

В.Г.Глушкова

Адъективные олицетворения в творчестве С.Н.Есина

С. Н. Есин является признанным мастером использования тропов. Пользуясь классическими, "чистыми" тропами, он также смело комбинирует их, стремясь таким образом к дополнительному эмоциональному, оценочному, экспрессивному усилению создаваемого художественного образа.

Одним из примеров такого сочетания является соединение эпитетов и олицетворения.

Олицетворение - весьма характерный художественный прием, используемый С. Н. Есиным, хотя, как отмечает В. К. Харченко, "стилю Есина больше свойственны глагольные олицетворения".

Рассмотрим олицетворения-эпитеты, выраженные именами прилагательными (адъективные олицетворения). Анализ выполнен на материале романов "Гладиатор", "Соглядатай", "Имитатор", "Казус, или Эффект близнецов", "Гувернер".

По определяемому слову адъективные олицетворения в произведениях писателя мы подразделяем на следующие группы: относящиеся к частям тела и физическим свойствам человека (жеманный ротик, медлительные глаза, упорные ладони, коварные губы, грустное контральто), к чертам характера человека (молодая легкомысленная глупость, компетентные капризы, ласковый юмор), к предметам реального мира (суетливый будильник, обозлившаяся крышка чайника, неторопливый венчик, дотошное зеркальце), к явлениям природы (настырный ветер, ленивая струя воздуха), к различным абстрактным понятиям (милостивый юбилей, живые подробности, честолюбивый парадокс, предприимчивое время), к атрибутам власти (строгие инстанции, грозные кабинеты) и, наконец, к писательскому творчеству (совестливое произведение, жеманное слово, обольстительная прекраснородушная идея, разнузданные вопросы).

Чаще всего С. Н. Есин использует художественный прием олицетворения на адъективной базе при описании человека, абстрактных понятий и творчества писателя, что отражает основную проблематику рассмотренных произведений: человек в мире и в творчестве.